

к экономической системе принуждения к труду: хочешь работай, хочешь – нет, причём тот, кто умнее других, тот, чей труд более востребован, либо имеет большую социальную значимость, тот в результате и получает больше других.

Источники и литература:

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.39. – М.: Политиздат, 1971.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.3. – М.: Политиздат, 1971.
3. Маяковский В.В. Хорошо! // Полн. собр. соч. Т.8. - М.: Гослитиздат, 1958.
4. Оруэл Дж. 1984. Эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989.

Referenses

1. Lenin V. I. Poln. sobr. soch. T.39. – M.: Politizdat, 1971.
2. Lenin, V. I. Poln. sobr. soch. T.3. – M.: Politizdat, 1971.
3. Majakovskij V.V. Horosho! // Poln. sobr. soch. T.8. – M.: Goslitizdat, 1958.
4. Orujel Dzh. 1984. Jesse raznyh let. – M.: Progress, 1989.

УДК 93+94 DOI: 10.24045/conf.2017.1.28

О КАДРАХ, КОТОРЫЕ «РЕШАЛИ ВСЁ»

*Тулузаков В.Ф.,
кандидат исторических наук, доцент,
Самара, Россия*

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос об особенностях кадровой политики в СССР. Автор сравнивает кадровую политику В.И. Ленина и И.В. Сталина. Формирование кадрового управленческого состава автор анализирует с позиций процесса формирования политической элиты в государстве. Автор анализирует принципы сталинского подбора кадров и признаёт практическую применимость сталинской кадровой политики, принимая во внимание дефицит кадров, необходимость их быстрого подбора и замещения. Основным недостатком сталинской кадровой политики автор считает догматичность и неизменность, что не соответствовало требованиям нового времени.*

***Ключевые слова:** Сталин, Ленин, советская кадровая политика, дискуссии о революции, 1930-е годы, история СССР.*

ABOUT CADRES THAT «SOLVES EVERYTHING»

*Tuluzakov V.F.,
Candidate Of historical sciences,
Associate professor,
Samara, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the peculiarities of personnel policy in the USSR. The author compares the personnel policies of V. I. Lenin and I. V. Stalin. Forming of managerial personnel, the author analyzes from the standpoint of the process of formation of political elite in the state. The author analyzes the principles of the Stalinist recruiting and recognizes the practicality of Stalin's personnel policy, taking into account the shortage of personnel, the need for quick selection and substitution. The main

disadvantage of Stalin's personnel policy, the author considers the dogmatism and conservatism that did not meet the requirements of the new time.

Key words: Stalin, Lenin, Soviet personnel policy, discussions on the revolution, the 1930-ies, the history of the Soviet Union.

Если когда-нибудь всё же будет написан путёвый учебник по российской истории, то хотелось, чтобы в нем были учтены четыре принципиальных положения. Во-первых, в нем не должна оспариваться истина Цицерона: «Первый закон истории – бояться какой бы то ни было лжи, а затем не бояться какой бы то ни было правды». Во-вторых, там должно быть учтено мнение Д. Дидро: «Величайшее недоразумение – это вдаваться в мораль, когда дело касается исторических фактов». Уточним: вдаваться в мораль полезно, лишь понимая, что у каждого народа, у каждого поколения, да и у каждого человека мораль своя. В третьих, надо согласиться с правотой А. Франса, утверждавшего: «Повествовательная (понимай: рассуждающая, аналитическая – В.Т.) история всегда страдает неточностью, но она есть портрет. Статистическая же история всегда будет лишь механическим оттиском». Наконец, в-четвёртых, нет смысла «бодаться» с выводом Оскара Уайльда: «Единственный наш долг перед историей – это постоянно её переписывать». Хотя в данном случае, конечно же, имеет место быть издёвка остроумного автора, но истина в его мнении (как указ на бесконечность нашего неуёмного познания) содержится тоже.

Все вышеназванные требования особенно важны для тех исторических тем, которые в общественном сознании, как говорится, «устоялись» и по этой причине кажутся не просто очевидными, но даже бесспорными. Например, рухнула в одночасье великая держава под названием Советский Союз. В чём причина? Кто виноват? Понятное дело: виноваты Горбачёв и Ельцин, вступившие в сговор с преступным Западом. Запад, впрочем, устами профессора Гарвардского университета Сергея Плохия [11, с. 15-17] с таким выводом категорически не согласен. По двум причинам. Во-первых, потому, что в планы Америки, по мнению автора, это не входило. А, во-вторых, потому, что Америка при всём своём желании просто не смогла бы это сделать. Более того, американец считает, что США очень хотели, но, увы, не смогли наш кризис предупредить. В своих рассуждениях автор ссылается на то, что кризиса, как такового, в середине 1980-х годов в СССР не было, а был инертный, привыкший к авторитарному режиму народ, и была 17-ти миллионная коммунистическая партия, нескромно и некстати провозгласившая себя «умом, честью и совестью нашей эпохи».

Что касается нашего многострадального народа, то на сегодняшний день имеется немало попыток охарактеризовать его, так сказать, с «высоты птичьего полета». В русле известного вывода А. Зиновьева: «Коммунизм есть социальная организация масс населения, а не просто политический режим... Он сложился в Советском Союзе не по марксистскому проекту и не по воле марксистских идеологов, а в силу объективных законов организации

больших масс населения в единый социальный механизм... Люди, строившие его, либо вообще не имели никакого понятия о марксизме, либо знали его весьма смутно и интерпретировали его на свой лад» [5, с. 229]. Доказательства своих алгебраических выводов наши философы (любомудры), как правило, оставляют историкам, которые должны архивными (арифметическими) примерами всё это подтверждать. Не просто, но судьба...

В данном случае остановимся на одном, но очень важном вопросе – кадровом. «Кадры решают всё», – сказал Сталин. Правильно сказал, но полезно добавить: «Подбор кадров решает всё!». Кадровая политика нигде и никогда не была делом простым. Тем более в России и особенно после революции. «Да здравствует диктатура пролетариата» – грозились советские газеты. Легко сказать. То, что рабочие охотно пошли в Советскую власть, доказать не сложно. Однако «диктатура пролетариата» по определению – это не только власть рабочих, но «власть в интересах рабочих». Что не одно и то же. Ещё Бакунин в своей книге «Государственность и анархия» глумился над Марксом, утверждая, что госслужащие, рекрутированные из тружеников, «лишь только они сделаются представителями или правителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на всех обыкновенных рабочих с высоты «государственной»: они будут представлять уже не народ, а себя и свои «притязания» на управление народом». Маркс в ответ обозвал своего оппонента «ослом», но опровергнуть его аргументацию достаточно аргументировано не смог [10, с. 616-617]. Да и о чём говорить, если по факту историческая правда оказалась не на стороне основоположника марксизма. Это легко подтвердить не только материалами работ М. Джиласа [3] и М. Восленского [1], не только рассуждениями философа А. Зиновьева [5, с. 80], но самой жизнью нашей страны. Как сказал один из персонажей фильма Марка Захарова «Гот самый Мюнхгаузен»: «Это факт? Нет – это больше, чем факт. Так оно и было на самом деле!» Кто сейчас будет спорить с тем, что именно деградация политической элиты Советского Союза привела к кризису социалистической системы и краху великой державы? Деградация, имевшая, кстати, даже внешние признаки. Посмотрите на портреты революционных вождей. «Галерея каторжников», – утверждал в своих «Окаянных днях» Иван Бунин. Это он портреты сталинских кадров не видел... Сопоставьте портреты Александра III, Столыпина, С.Ю. Витте, П.К. Победоносцева, А.И. Деникина с портретами Хрущева и Брежнева, Егора Гайдара или «гуру перестройки» А. Н. Яковлева. Сравните их не по заслугам, не по исторической роли, а, просто, по человеческому материалу (по «породе»). Вспомните здесь же косноязычие Брежнева, Горбачёва или стеклянный взгляд Ельцина и убедитесь.

Поэтому традиционные обвинения Сталина по поводу репрессий 1937 года можно сформулировать и не вполне традиционно. Допустим, например, что репрессированные в то время политики, действительно, были «врагами народа». По причине чего беспощадно, но справедливо сработала советская гильотина, расчистив не бывающее пустым место. Но для кого? Кто пришёл на смену политически нечестивым? Можно ли считать «друзьями народа», благополучно одолевших сталинский барьер генерала Власова,

Хрущева, Берию и тьму других, не менее замечательных «интеллектуалов». Ту тьму, из которой потом и вышла гвардия «перестройки»? Случайности в этом деле не было. Партийный «зубр» В.М. Молотов в своей беседе с Феликсом Чуевым, с нажимом и не без горечи был вынужден признать: «Хрущев не случаен». Добавим: и совсем не одинок. Таких, как Хрущев, в партийном руководстве оказалось большинство, и они своё антинародное дело довели до конца.

Предвидел ли такой поворот событий Сталин? Возможно. В частности, потому что, как говорится, не один год «сидел на кадрах» и знал всю подноготную советской кадровой политики. С истоков. С тех истоков, которые современные историки любят связывать с хлесткой ленинской фразой из его письма А.М. Горькому от 15 сентября 1919 года. Помните: «Интеллектуальные силы» народа смешивать с «силами» буржуазных интеллигентов неправильно... Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и её пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно» [8, с. 48-49]. Фраза эта, действительно, принципиальная. Однако заметим, что относительно российской интеллигенции Ленин тогда ничего нового не сказал. Читайте сборник статей «Вехи», написанный в 1909 году. Там все эти ленинские выводы не просто названы, но и обоснованы.

Настораживает же в ленинском заключении иное. А именно: вывод, что «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут». Хотелось бы в это вслед за вождём пролетарской революции верить, но мешают некоторые факты. Во-первых, надо признать, что по своей объективной сути процесс формирования интеллектуальной элиты в любом государстве сложен, длителен и противоречив. Это дело не одного поколения. Во-вторых, поставить «на поток» процесс подготовки настоящих (а не просто дипломированных) интеллектуалов не получится. (При том допущении, что способные политики не обязательно должны быть высокоодарёнными интеллектуалами. Во всяком случае, по определению таких метров исторического цеха, как Клаузевиц, Вебер, Шпенглер и Струа).

Не будем утверждать, что большевики были всецело поглощены теоретическим аспектом этой проблемы. Они (в большинстве своём), обладали обыденным мышлением, знали жизнь и вполне понимали, что «не боги горшки обжигают». Авиаконструктор А. Яковлев так пересказал сталинскую сентенцию на этот счет: «Люди, в общем, везде одинаковые. Конечно, хорошо было бы всем дать хороших людей, но хороших мало, всех хорошими не сделаешь. Есть средние работники – их много, больше, чем хороших, а есть и плохие, плохие тоже бывают. Надо работать с теми, кто есть» [14, с. 280]. По этой и другими причинам в практике советского строительства сложился некий принцип «усреднённости» в подборе кадров. При том, что сразу оговоримся: «усреднённость» «усреднённости» рознь. «Усреднённость» по Ленину, Сталину или Троцкому – это, всё-таки, не одно и то же. Присовокупим и ту информацию, что при Ленине за границу ушёл знаменитый пароход с не принявшими революцию интеллектуалами. Однако, здесь

надо вспомнить и то, что Ленин в уже упомянутом письме Горькому не без гордости подчеркнул: ««Интеллектуальным силам», желающим нести науку народу (а не прислуживать капиталу), мы платим жалование выше среднего. Это факт. Мы их бережём. Это факт» [8, с.49]. Это правда, как и то, что при Ленине во время Гражданской войны в центральных и местных газетах откровенно и беспощадно разоблачали злоупотребления властью новоиспечённых советских работников. В самарской газете «Коммуна», например, имелась даже специальная рубрика «Недостатки механизма». При Сталине ситуация кардинально изменилась. Советское сразу стало самым лучшим, а так называемое «пролетарское происхождение» превратилось в решающее основание политической карьеры. Многих, очень многих советских политиков. К сожалению, далеко не всегда, самых что ни на есть лучших...

Здесь кстати уточнить: какой же стандарт (или идеал) существовал в подборе этих самых – «лучших». Лучших – по интеллектуальной составляющей, когда умеют выбирать из многих вариантов самый нужный? Вряд ли... Во времена Сталина таких, если и искали, но чаще аварийно, методом «тыка». Достаточно вспомнить чехарду с начальниками Генерального штаба в начале войны. Лучших – с точки зрения высоких нравственных качеств (честности, добросовестности, коллективизма)? Сомнительно, поскольку трудно совместить с вышеназванными свойствами широко распространённое в советском обществе сексотство и доносительство. (Плохо вяжется и с известным мордобоем маршала Жукова). Поэтому можно предположить, что лучшими по факту стали просто добросовестные исполнители. Не всегда лизоблюды, но лизоблюды тоже.

Здесь надо признать, что наш (русский) национальный характер, как и национальные характеры прочих наций, имел и имеет не только достоинства [13, с. 68]. В частности мы, русские, увы, нередко бываем неуживчивы [7], неорганизованны, излишне самонадеянны и злобивы. Да, порой бываем злобными и агрессивными. За примером далеко ходить не надо. Припомним известную народную забаву («кулачки», «стенка на стенку»), которая официально была запрещена ещё во времена Николая I, но которая благополучно дожила в русской деревне до начала двадцатого века. Более того, возродилась сейчас. Уже в городах. Когда я спросил активного участника нынешних массовых «ристалищ»: «Зачем вам всё это надо?», то получил ответ: «Чтобы пар вышел!» И добавил: «Ведь это же лучше, чем бить пенсионеров на остановках?» Честно скажу: не нашёлся, что ответить... Показательно, что у таких людей есть своя пусть убогая, но идеология, свой Идол. Это – главный герой фильмов Алексея Балабанова «Брат» и «Брат-2». Надо кстати признать: режиссёр Алексей Балабанов – великий национальный талант и народный художник.

Но вернемся к Советской власти и к Сталину. Будем честными: современного российского сталиниста вполне можно было бы определить так: «Это человек, который пока ещё никого не убил, но, в принципе, готов это сделать». Эти люди понимали и понимают Сталина «нутром». А Сталин понимал их и поэтому был вождём и вполне «всенародным» политиком,

что в нашей традиции. Современный публицист М. Кантор, комментируя строку из «Реквиема» Анны Ахматовой («Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был»), с иронией заметил: «Эту барскую фразу мог бы сказать Чаадаев, но никак не Толстой, не Чехов, не русская интеллигенция» [6, с. 355]. Монархическая народная традиция фактически питала харизму вождя, но она же, в конечном итоге, стала источником его поражения.

Благодаря мемуарам маршала авиации А. Голованова в историческую науку пришла фраза Сталина: «Я знаю что, когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову, но я уверен, что ветер истории всё это развеет». Воистину: если бы этой фразы не было, то её следовало бы выдумать. За неё сразу и с сакральным упоением ухватились нынешние последователи генералиссимуса. Те, которые не задумались (они, вообще, думать не любят – предпочитают верить) над вопросом: «А подними сейчас Сталина из могилы, и покажи ему современную Россию, повторил бы он эти слова?». Едва ли. По той простой причине, что был искренне предан коммунистической идее и сразу понял бы, что вместе с «ушатам грязи» его последователями была бесповоротно развеяна с таким трудом и с такими жертвами созданная великая социалистическая держава.

Следует ли из этого наблюдения вывод об обречённости (утопичности) социализма в нашей стране в принципе? Не забудем: в стране, одержавшей заслуженную великую победу в великой войне? Достаточных оснований для такого безусловного вывода нет. По двум причинам. Во-первых, потому, что, признавая практичность сталинской кадровой политики по принципу стремительного подбора и лёгкого замещения политических работников («незаменимых у нас нет»), нельзя допустить безусловную исключительность именно такого варианта. Дело в том, что в борьбе за политическое лидерство с оппозицией («ленинская партийная гвардия», Троцкий) Сталин, действительно, сделал ставку на политический плебс. (А на кого ещё было ему тогда делать ставку?). Но иной вариант был. Косвенное свидетельство чему – сохранившийся в партийной идеологии и общественном сознании ленинский образ работы с кадрами. (Хотя здесь, ведь, как: скажешь здесь вслед за Лениным хорошо о Троцком [9, с. 344] – угодишь в троцкисты). Поэтому зададимся таким вопросом: «Случись что со Сталиным в 1924 году, гибель революции была бы неизбежна»? Можно, разумеется, и так считать. Но можно считать иначе.

Во-вторых, сталинский метод подбора политических кадров был сугубо несовершенным из-за своей догматичности, неизменности. Он явно уступал в этой части (диалектического развития) ленинскому методу. Проще говоря, не только подходы к кадровым проблемам в большевистской партии у Ленина и Сталина были разными – мозги у вождей были другими. Что показательно: в исторической литературе иногда проскальзывает мысль, что Сталин якобы видел и даже называл у Ленина два политических недостатка: национал-либерализм и неопределённость со своим политическим наследником. Ленин, действительно, в своём так называемом «политическом завещании»

прямо своего наследника не назвал. Но о наследнике думал. И, что показательно, не только в узком (практическом), но и в общем (теоретическом) смысле. Отсюда неудивительно, что при Сталине «Письмо к съезду» было запрещено, а при Хрущеве и Брежневе его не изучали должным образом. Дело в том, что ленинские идеи явно не вписывались в шкалу провозглашенных идеологических ценностей. Судите сами. Фабула ленинского письма известна: грядёт конфликт между сторонниками Сталина и Троцкого (пролетарский вождь «как в воду смотрел»), предупредить который, по мнению Ленина, должно увеличение членов ЦК. Из числа рабочих. Но из числа каких рабочих? По Ленину: «Рабочие, входящие в ЦК, должны быть... преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу (к рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян), потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться» [9, с. 348]. Оторопевших от такой оценки советской (коммунистической) кадровой политики соратников ухививший из жизни Ленин буквально «добивал» признанием: «Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшить наш аппарат, который из рук вон плох. Он у нас, в сущности, унаследован от старого режима, ибо переделать его в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т. п., было совершенно невозможно. ... За пятилетие достаточно переделать аппарат вообще невозможно, в особенности при тех условиях, при которых происходила революция у нас... мы аппарат, в сущности, взяли старый от царя и от буржуазии и теперь с наступлением мира и обеспечением минимальной потребности от голода вся работа должна быть направлена на улучшение аппарата» [9]. Иначе говоря, речь у Ленина шла о санации советской и партийной политической системы через её демократизацию. Последователи этой рекомендацией пренебрегли (сработало известное корпоративное правило: «пусть худой, но свой»), в силу чего осложнения ждуть себя не заставили. В середине 1930-х годов приглашённый в СССР французский писатель Андре Жид мрачно констатировал: «Снова общество начинает расслаиваться, снова образуются социальные группы, если уже не целые классы, образуется новая разновидность аристократии. Я не говорю об отличившихся благодаря заслугам или личным достоинствам, а об аристократии всегда правильно думающих конформистов. В следующем поколении эта аристократия станет денежной» [4], [12, с. 85]. Это мнение тоже проигнорировали, книгу положили в спецхран и постарались забыть. Зря: француз, увы, оказался пророком [2, с. 124]. Поэтому «крёстным отцом» «перестройки» стал, по большому счёту, не сын комбайнера, а сын сапожника. Исторический шанс создания надёжной, прочной, долговечной социалистической державы Сталиным был упущен. Думается мне, что не случайно. Как заметил один остряк: «Есть люди, которым можно дать и десятый шанс, а есть те, для кого и первый был лишним».

Источники и литература:

1. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. - М.: Октябрь, 1991.
2. Геллер М., Некрич А. История России. 1917-1995. В 4-х тт. Т.4. – М.: МИК, 1996.
3. Джилас М. Новый класс. – Нью-Йорк: Фредерик, 1961.
4. Жид А. Возвращение из СССР. – М.: 1937;
5. Зиновьев А.С. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. – М.: Центрполиграф, 1994.
6. Кантор М. Стратегия Левиафана. – М.: АСТ, 2014.
7. Куприн А.И. О русском народе // Советская Россия. – 1995. – 21 сентября.
8. Ленин В.И. Письмо А.М. Горькому от 15 сентября 1919 года // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.51. – М.: Политиздат, 1978.
9. Ленин В.И. Письмо к съезду // Полн. собр. соч. Т. 45. – М: Политиздат 1975. Лимонов Э.В. Убийство часового. – М.: Молодая гвардия, 1993. – С. 13-14).
10. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. в 50 томах. Т. 18. - М. Политиздат, 1961.
11. Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза. – М.: АСТ. 2016.
12. Фейхтвангер Л. Два взгляда из-за рубежа. – М.: Политиздат, 1990.
13. Шафаревич И.Р. Русский вопрос. – М.: Алгоритм, 2014.
14. Яковлев А. Цель жизни. Записки авиаконструктора. – М.: Политиздат. 1973.

Referenses

1. Voslenskij M. Nomenklatura. Gospodstvujushhij klass Sovetskogo Sojuza. M.: Oktjabr', 1991.
2. Geller M., Nekrich A. Istorija Rossii. 1917-1995. V 4-h tt. T.4. – M.: MIK, 1996.
3. Dzhilas M. Novyj klass. – N'ju-Jork: Frederik, 1961.
4. Zhid A. Vozvrashhenie iz SSSR. –M.: 1937;
5. Zinov'ev A.S. Kommunizm kak real'nost'. Krizis kommunizma. – M.: Centrpoligraf, 1994.
6. Kantor M. Strategija Levifana. – M.: AST, 2014.
7. Kuprin A.I. O russskom narode // Sovetskaja Rossija. – 1995. – 21 sentjabrja.
8. Lenin V.I. Pis'mo A.M. Gor'komu ot 15 sentjabrja 1919 goda //Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T.51. – M.: Politizdat, 1978.
9. Lenin V.I. Pis'mo k s#ezdu // Poln. sobr. soch. T. 45. – M: Politizdat 1975. Limonov Je.V. Ubijstvo chasovogo. – M.: Molodaja gvardija, 1993. – S. 13-14).
10. Marks K., Jengel's F. Sobr. soch. v 50 tomah. T. 18. – M. Politizdat, 1961.
11. Plohij S. Poslednjaja imperija. Padenie Sovetskogo Sojuza. – M.: AST. 2016.
12. Fejhtvanger L. Dva vzgljada iz-za rubezha. – M.: Politizdat, 1990.
13. Shafarevich I.R. Russkij vopros. – M.: Algoritm, 2014.
14. Jakovlev A. Cel' zhizni. Zapiski aviakonstruktora. – M.: Politizdat. 1973.